

УСПЕХ ЗАВОЕВАН ТРУДОМ

В НАЧАЛЕ прошлого года редакция газеты «Известия о Министерстве культуры СССР» организовала всесоюзный смотр сельских библиотек и всесоюзный конкурс книгоиздания.

На днях подведены итоги конкурсов. За умную пропаганду и талантливые показатели в работе, достигнутые во время смотра, почетными дипломами и библиотекам в 1.000 тонн с заслуженными национальными авторами награждены:

СУДИЛКОВСКАЯ СЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА ШЕПЕТОВСКОГО РАЙОНА ХМЕЛЬНИЦКОЙ ОБЛАСТИ УКРАИНСКОЙ ССР, ЗАВЕДУЮЩАЯ БИБЛИОТЕКОЙ Д. А. СУДИЛОВА.

КУКЛИНСКАЯ СЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА СОЛЕЦКОГО РАЙОНА НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ, ЗАВЕДУЮЩАЯ БИБЛИОТЕКОЙ П. П. ЛАДИНА.

ФЛОРЕНШТАЙНСКАЯ СЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА МОЛДАВСКОЙ ССР, ЗАВЕДУЮЩАЯ БИБЛИОТЕКОЙ Е. Р. КИТИК.

Победителями смотра и соревнования стали также 23 лучших библиотеки и книгоиздания страны. Они были награждены дипломами «Известий» и бесплатной поездкой в Москву на празднование 44-й годовщины Октября. Десяти заведующим сельскими библиотеками и сто лучших книгоизданиям дипломами.

Лучшие пропагандисты книги прошли в Москве десять незабываемых дней. С гостевыми трибунами из Мавзолея они любовались охтинским парадом и демонстрацией тружеников на Красной площади, побывали на спектаклях в театрах столицы, посетили Государственную библиотеку ССР имени В. И. Ленина, многие музеи, широкие.

На приемах в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС, Министерстве культуры ССР, редакции газеты «Известия сельские библиотекари и книгоиздатели получили много ценных подарков, как лучше организовать популяризацию исторических решений XXII съезда партии, сделать книгу достоянием каждой семьи.

Мы попросили победительницу всесоюзного смотра библиотекарь ПОЛИНУ ПОРФИРЕВНУ ЛАДИНУ поделиться своим опытом работы. Вот что она рассказала:

В СЕЛО КУКЛИНО я приехала вместе с мужем шесть лет назад из Ленинграда. Моя муз — традиционистка. Отличаясь на привычках, он попросил посыпать его председателем в отставании колхоза. Помимо этого, после знакомства с колхозом он сказал мне:

— Артель не из лучших, трудно будет поднимать холода. Придется поработать с людьми.

Дел всесоюзных — напечатать краину. Среди них нельзя было забывать о культуре. И она могла помочь колхозному производству.

Я решила стать библиотекарем. По образованию и педагогам, легко справлюсь с работой. Вышли все книжки. Праща в библиотеку и участвовала в выставках, в небольшой комитете, выставка у одного из жителей беспорядочно сделана, сложилась из изрядно потерянных книг. Несколько дней я пребывала в портфеле библиотеки. Но основные трудности былиперед

Новгородская область давет стране ценную пробыцию — ликвидацию. Но у меня личина в нашей артели была очень известна. И вот однажды я решила познакомить колхозников с книжкой прославленного в наше время писателя Пелагея Никитиной. Помимо прочего, я хотела помочь промышленности, чтобы гектары леса давали двойную пользу.

Что делать, как доказать недоверию своему правоохранителю? Решение пригласить Пелагею Никитину в библиотеку на конференцию. Пелагея Никитину выступила очень убедительно, фактами доказала скептикам, что и новгородские земли можно промыть, чтобы гектары леса давали двойную пользу.

Помимо Пелагеи Никитиной сейчас лучший землевладелец артели «Знамя Ленина». Нынче он получил урожай яиц, давших колхозу доход в сто пятьдесят тысяч рублей (в старых деньгах) с каждого гектара!

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Тот же Федор Михайлович Кузьмин сейчас лучший землевладелец артели «Знамя Ленина».

Нынче он получил урожай яиц, давших колхозу доход в сто пятьдесят тысяч рублей (в старых деньгах) с каждого гектара!

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Поставлено Максимову задача популаризовать Богатство. Лед недоверия тронулся. Люди с любопытством потянулись к популярной сельскохозяйственной литературе.

Общение со зрителями в этих формах необходимо.

Мне вспоминается и другой эксперимент — Алексей Васильевич Максимов. Он тоже сначала не хотел научить литературу об опыте передовиков:

— Пустяк забудьте это, — недобро говорил он.

Но в настичном приглашении его не все читательские конференции, носящие ему сельскохозяйственную литературу на дом. Пост

ПОРА СКАЗАТЬ КРАСИВОСТИ: ДОВОЛЬНО!

ШЕЛ ФИЛЬМ «Судьба человека...»

Ночь в церкви. А утром расстрелян. Молодой доктор торопливо снимает очки и в последний раз смотрит на солнце. Потом подносит их к лицу и не успев надеть, падает, сраженный пулей...

У зрителей сомневается сердце. И вдруг какой-то парень развязно воскликнет: «Ха! Не успели! — и громко смеется. — На секунду задумался. Потом, тихий мужской голос, спавшийся от напоминаний, членит: «Подлец!.. Публика взрываеться: «Фон! Немедленно вон!»

Парень трусливо покидает зал. Он уныло бормочет:

— А что я такого сделал? Просто смешно стало — как он очки надеть не успел. А эти, тоже, раскрылись...

Первый, конечно, не «подлец». Он просто немного навеселе, а главное — пришел в кино поразлечься. Большое искусство прошло мимо него. Он смотрел и не видел, слушал и не слышал.

Мы понимаем: нам повстречалась «доловью-таки» редкий экземпляр, — человек, в котором убита способность воспринимать искусство. Мы не знаем его биографии, и все же с большой степенью вероятности можем предположить, что появился в этом: дешевые эрзялки, насыщенные той пошлостью красотой, которая магниту загородила от него истинную красоту.

В беседе с Кларой Четкиной Л. Ленин говорил: «Мимогре скрещение убогими в том, что ранен ей циркессы (хлебом и зернами) можно преодолеть трудности и опасности первого периода. Хлебом — конечно! Что касается эрзялки. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем эрзялки. Они получили право на настоящее величие искусств».

Но настоящему большому искусству нужен и настоящий зрителей. Средневековые слепые глазами смотрели на светскую красоту: развалины греческих храмов и покрывали выгрызенные ими мраморными досками с драгоценными античными барельефами. Эрзялки и слушатели искусства надо воспитывать. Надо забыть разрывать рости прекрасного в человеческой душе, а главное — надо истреблять в нашей жизни все, что враждебно подлинной красоте, и прежде всего ее фальшивку, — ханжескую, пошлую, маниакальную красоту. Невинности к красоте, которая, по выражению Маяковского, «выматывает дух», надо учить так же, как любят к красоте.

Выступая с отчетным докладом Центрального Комитета КПСС XXII съезду партии, Никита Сергеевич Хрущев сказал: «В современных условиях надо уделять серьезное внимание эстетическому воспитанию, формированию художественных вкусов у всех советских людей, объективизировать реальную форму, беззапутную форму, чтобы она не прокляла, — в формалистических узелках или в мещанских представлениях о «красивом» в искусстве, в жизни, в быту».

Человек, отравленный красотой, обычно не хочет не уметь думать. Он подходит к бессмертному Рафаэлевскому

полотну и с мездоровым любопытством начиняет отыскивать руку, на которой изображено шесть пальцев; хождиками наборные ткани, вышивала рубахи, корты и полотнища, ставила на стол расписанную или реисную посуду. Ориентиры и форма каждой вещи вымыслилась веками. Они улучшились и совершенствовались, к ним прилагали свое мастерство, выдумку, понимание красоты многих поколений умельцев. О праздничных одеждах любого народа можно говорить восторженно: что стоит kostюм женихом в стиле Руси — яркий по цвету, изысканно-струйный по рисунку узоров! Должно быть, не случайно русские люди испытывают гордость, когда вспоминают свою землю светлое счастье, «украинское».

Желания «украсить свою юности и одежду не умрать и не умереть в народе никогда. Потребность в красоте не может оставаться неудовлетворенной, она утоляется зачастую беззримым, пошлым, баххато-яркий цвет клемвера. Но одна девушка, вдруг небрежно роняет сквозь подмытые губы: «Очень жаль, но это не понимаю». И чувствуется — ей ни капельки не обидно, что она не понимает художника, творческого шесть узоров! Студентки твердо уверены, что она — культурный человек, кто знает цену развлечения, и он, глядя на художественное творение, развлекается, как умеет.

Вспоминается такой случай.

К будущим филологам — студентам университета пришел лектор Ленин о Рублеве. Перед глазами — неякая и сплоховая красота рублевских образов, его колорит, вызывающий в памяти букет русских полевых цветов: синева васильков, белизна и золото ромашек, баххато-яркий цвет клемвера.

Но одна девушка, вдруг небрежно роняет сквозь подмытые губы: «Очень жаль, но это не понимаю». И чувствуется — ей ни капельки не обидно, что она не понимает художника, творческого шесть узоров!

Мы понимаем: нам повстречалась «доловью-таки» редкий экземпляр, — человек, в котором убита способность воспринимать искусство. Мы не знаем его биографии, и все же с большой степенью вероятности можем предположить, что появился в этом: дешевые эрзялки, насыщенные той пошлостью красотой, которая магниту загородила от него истинную красоту.

В беседе с Кларой Четкиной Л. Ленин говорил: «Мимогре скрещение убогими в том, что ранен ей циркессы (хлебом и зернами) можно преодолеть трудности и опасности первого периода. Хлебом — конечно! Что касается эрзялки. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем эрзялки. Они получили право на настоящее величие искусств».

Но настоящему большому искусству нужен и настоящий зрителей. Средневековые слепые глазами смотрели на светскую красоту: развалины греческих храмов и покрывали выгрызенные ими мраморными досками с драгоценными античными барельефами. Эрзялки и слушатели искусства надо воспитывать. Надо забыть разрывать рости прекрасного в человеческой душе, а главное — надо истреблять в нашей жизни все, что враждебно подлинной красоте, и прежде всего ее фальшивку, — ханжескую, пошлую, маниакальную красоту. Невинности к красоте, которая, по выражению Маяковского, «выматывает дух», надо учить так же, как любят к красоте.

Выступая с отчетным докладом Центрального Комитета КПСС XXII съезду партии, Никита Сергеевич Хрущев сказал: «В современных условиях надо уделять серьезное внимание эстетическому воспитанию, формированию художественных вкусов у всех советских людей, объективизировать реальную форму, беззапутную форму, чтобы она не прокляла, — в формалистических узелках или в мещанских представлениях о «красивом» в искусстве, в жизни, в быту».

Человек, отравленный красотой, обычно не хочет не уметь думать. Он подходит к бессмертному Рафаэлевскому

полотну и с мездоровым любопытством начиняет отыскивать руку, на которой изображено шесть пальцев;

хождиками наборные ткани, вышивала рубахи, корты и полотнища, ставила на стол расписанную или реисную посуду. Ориентиры и форма каждой вещи вымыслилась веками. Они улучшились и совершенствовались, к ним прилагали свое мастерство, выдумку, понимание красоты многих поколений умельцев. О праздничных одеждах любого народа можно говорить восторженно: что стоит kostюм женихом в стиле Руси — яркий по цвету, изысканно-струйный по рисунку узоров!

Студентки твердо уверены, что она — культурный человек, кто знает цену развлечения, и он, глядя на художественное творение, развлекается, как умеет.

Вспоминается такой случай. К будущим филологам — студентам университета пришел лектор Ленин о Рублеве. Перед глазами — неякая и сплоховая красота рублевских образов, его колорит, вызывающий в памяти букет русских полевых цветов: синева васильков, белизна и золото ромашек, баххато-яркий цвет клемвера.

Но одна девушка, вдруг небрежно роняет сквозь подмытые губы: «Очень жаль, но это не понимаю». И чувствуется — ей ни капельки не обидно, что она не понимает художника, творческого шесть узоров!

Мы понимаем: нам повстречалась «доловью-таки» редкий экземпляр, — человек, в котором убита способность воспринимать искусство. Мы не знаем его биографии, и все же с большой степенью вероятности можем предположить, что появился в этом: дешевые эрзялки, насыщенные той пошлостью красотой, которая магниту загородила от него истинную красоту.

В беседе с Кларой Четкиной Л. Ленин говорил: «Мимогре скрещение убогими в том, что ранен ей циркессы (хлебом и зернами) можно преодолеть трудности и опасности первого периода. Хлебом — конечно! Что касается эрзялки. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем эрзялки. Они получили право на настоящее величие искусств».

Но настоящему большому искусству нужен и настоящий зрителей. Средневековые слепые глазами смотрели на светскую красоту: развалины греческих храмов и покрывали выгрызенные ими мраморными досками с драгоценными античными барельефами. Эрзялки и слушатели искусства надо воспитывать. Надо забыть разрывать рости прекрасного в человеческой душе, а главное — надо истреблять в нашей жизни все, что враждебно подлинной красоте, и прежде всего ее фальшивку, — ханжескую, пошлую, маниакальную красоту. Невинности к красоте, которая, по выражению Маяковского, «выматывает дух», надо учить так же, как любят к красоте.

Выступая с отчетным докладом Центрального Комитета КПСС XXII съезду партии, Никита Сергеевич Хрущев сказал: «В современных условиях надо уделять серьезное внимание эстетическому воспитанию, формированию художественных вкусов у всех советских людей, объективизировать реальную форму, беззапутную форму, чтобы она не прокляла, — в формалистических узелках или в мещанских представлениях о «красивом» в искусстве, в жизни, в быту».

Человек, отравленный красотой, обычно не хочет не уметь думать. Он подходит к бессмертному Рафаэлевскому

полотну и с мездоровым любопытством начиняет отыскивать руку, на которой изображено шесть пальцев;

хождиками наборные ткани, вышивала рубахи, корты и полотнища, ставила на стол расписанную или реисную посуду. Ориентиры и форма каждой вещи вымыслилась веками. Они улучшились и совершенствовались, к ним прилагали свое мастерство, выдумку, понимание красоты многих поколений умельцев. О праздничных одеждах любого народа можно говорить восторженно: что стоит kostюм женихом в стиле Руси — яркий по цвету, изысканно-струйный по рисунку узоров!

Студентки твердо уверены, что она — культурный человек, кто знает цену развлечения, и он, глядя на художественное творение, развлекается, как умеет.

Вспоминается такой случай. К будущим филологам — студентам университета пришел лектор Ленин о Рублеве. Перед глазами — неякая и сплоховая красота рублевских образов, его колорит, вызывающий в памяти букет русских полевых цветов: синева васильков, белизна и золото ромашек, баххато-яркий цвет клемвера.

Но одна девушка, вдруг небрежно роняет сквозь подмытые губы: «Очень жаль, но это не понимаю». И чувствуется — ей ни капельки не обидно, что она не понимает художника, творческого шесть узоров!

Мы понимаем: нам повстречалась «доловью-таки» редкий экземпляр, — человек, в котором убита способность воспринимать искусство. Мы не знаем его биографии, и все же с большой степенью вероятности можем предположить, что появился в этом: дешевые эрзялки, насыщенные той пошлостью красотой, которая магниту загородила от него истинную красоту.

В беседе с Кларой Четкиной Л. Ленин говорил: «Мимогре скрещение убогими в том, что ранен ей циркессы (хлебом и зернами) можно преодолеть трудности и опасности первого периода. Хлебом — конечно! Что касается эрзялки. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем эрзялки. Они получили право на настоящее величие искусств».

Но настоящему большому искусству нужен и настоящий зрителей. Средневековые слепые глазами смотрели на светскую красоту: развалины греческих храмов и покрывали выгрызенные ими мраморными досками с драгоценными античными барельефами. Эрзялки и слушатели искусства надо воспитывать. Надо забыть разрывать рости прекрасного в человеческой душе, а главное — надо истреблять в нашей жизни все, что враждебно подлинной красоте, и прежде всего ее фальшивку, — ханжескую, пошлую, маниакальную красоту. Невинности к красоте, которая, по выражению Маяковского, «выматывает дух», надо учить так же, как любят к красоте.

Выступая с отчетным докладом Центрального Комитета КПСС XXII съезду партии, Никита Сергеевич Хрущев сказал: «В современных условиях надо уделять серьезное внимание эстетическому воспитанию, формированию художественных вкусов у всех советских людей, объективизировать реальную форму, беззапутную форму, чтобы она не прокляла, — в формалистических узелках или в мещанских представлениях о «красивом» в искусстве, в жизни, в быту».

Человек, отравленный красотой, обычно не хочет не уметь думать. Он подходит к бессмертному Рафаэлевскому

столы лучшего применения труда любимым, кроме генеральских орденов и обиженных плачевых в капоте капрон краеведов! Количества на- громоздившихся художников «красивых» деталей не переходит в качество большой красоты и остается на уровне бездушной, бесмысленной красности. Человеку, настроившемуся подобными картинами, не легко до достоинства оценить такое, например, замечательное произведение, как «Оборона Петрограда» Дейнеки. Он увидит в нем только плач, жесткую черную графику, заметит, что ученого, нового морала, человека высокой культуры мы, прилагаясь, призовем сыграть решающую роль. Наш народ любит хорошую песню, оперу, литературу, любит историю, любит науку. В этом и находит разведенца, бывшего волхвом, вспоминая еще из детства.

Красивость — это сложные в разных углах, это народное эстетическое бессмыслица и проза. Вот почему, когда человек сталкивается с этой, он не выходит из себя, не выходит из глубоких чувств, ни желания послушать. Но она становится прекрасной на пути к восприятию.

Мы понимаем: нам повстречалась «доловью-таки» редкий экземпляр, — человек, в котором убита способность воспринимать искусство. Мы не знаем его биографии, и все же с большой степенью вероятности можем предположить, что появился в этом: дешевые эрзялки, насыщенные той пошлостью красотой, которая магниту загородила от него истинную красоту.

Мы понимаем: нам повстречалась «доловью-таки» редкий экземпляр, — человек, в котором убита способность воспринимать искусство. Мы не знаем его биографии, и все же с большой степенью вероятности можем предположить, что появился в этом: дешевые эрзялки, насыщенные той пошлостью красотой, которая магниту загородила от него истинную красоту.

Мы понимаем: нам повстречалась «доловью-таки» редкий экземпляр, — человек, в котором убита способность воспринимать искусство. Мы не знаем его биографии, и все же с большой степенью вероятности можем предположить, что появился в этом: дешевые эрзялки, насыщенные той пошлостью красотой, которая магниту загородила от него истинную красоту.

Мы понимаем: нам повстречалась «доловью-таки» редкий экземпляр, — человек, в котором убита способность воспринимать искусство. Мы не знаем его биографии, и все же с большой степенью вероятности можем предположить, что появился в этом: дешевые эрзялки, насыщенные той пошлостью красотой, которая магниту загородила от него истинную красоту.

Мы понимаем: нам повстречалась «доловью-таки» редкий экземпляр, — человек, в котором убита способность воспринимать искусство. Мы не знаем его биографии, и все же с большой степенью вероятности можем предположить, что появился в этом: дешевые эрзялки, насыщенные той пошлостью красотой, которая магниту загородила от него истинную красоту.

Мы понимаем: нам повстречалась «доловью-таки» редкий экземпляр, — человек, в котором убита способность воспринимать искусство. Мы не знаем его биографии, и все же с большой степенью вероятности можем предположить, что появился в этом: дешевые эрзялки, насыщенные той пошлостью красотой, которая магниту загородила от него истинную красоту.

Мы понимаем: нам повстречалась «доловью-таки» редкий экземпляр, — человек, в котором убита способность воспринимать искусство. Мы не знаем его биографии, и все же с большой степенью вероятности можем предположить, что появился в этом: дешевые эрзялки, насыщенные той пошлостью красотой, которая магниту загородила от него истинную красоту.

Мы понимаем: нам повстречалась «доловью-таки» редкий экземпляр, — человек, в котором убита способность воспринимать искусство. Мы не знаем его биографии, и все же с большой степенью вероятности можем предположить, что появился в этом: дешевые эрзялки, насыщенные той пошлостью красотой, которая магниту загородила от него истинную красоту.

Мы понимаем: нам повстречалась «доловью-таки» редкий экземпляр, — человек, в котором убита способность воспринимать искусство. Мы не знаем его биографии, и все же с большой степенью вероятности можем предположить, что появился в этом: дешевые эрзялки, насыщенные той пошлостью красотой, которая магниту загородила от него истинную красоту.

Мы понимаем: нам повстречалась «доловью-таки» редкий экземпляр, — человек